

ПАМИРСКИЙ ВОПРОСЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

ОЧНО въ силу какого-то особаго рока, являющагося, впрочемъ, въ то же время отчасти неизбежнымъ послѣдствіемъ всей предшествовавшей исторической жизни, неудержимое стремленіе Россіи на Востокъ всегда было одною изъ характерныхъ особенностей нашей національной политики, неизмѣнно находящей себѣ поддержку и сочувствіе въ нашемъ общественномъ мнѣніи.

Неразрѣшимый восточный вопросъ, зародившійся еще въ почти легендарную эпоху Святослава, двигавшагося походомъ на Царьградъ, проходитъ красной нитью по всей русской исторіи, то временно сходя съ исторической сцены, то снова на ней появляясь. Будучи изстари сосѣдями Азіи и сами нося въ себѣ, въ силу вѣковаго татарскаго гнета, немалую дозу восточной крови, мы всегда чувствовали къ Востоку какое-то особое органическое тяготѣніе, охотно и умѣло дружа съ нимъ и въ то же время никогда не покидая завлекательныхъ на него видовъ.

Восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ слова,—мы не говоримъ здѣсь о славянскомъ вопросѣ, неразрывно съ нимъ связанномъ,—породилъ съ шестидесятихъ годовъ вопросъ среднеазіатскій. Завоеваніе Хивы, Ташкента и Туркестана двинуло насъ далеко въ глубину Средней Азіи и поставило лицомъ къ лицу съ Англіей, явившейся тамъ нашей сильной и ловкой соперницей.

Въ настоящее время, для многихъ, не посвященныхъ въ наши азіатскія дѣла, какъ будто неожиданно выдвинулся еще новый, такъ называемый, памирскій вопросъ, о которомъ такъ много говорятъ теперь и у насъ, и за границей.

Мы считаемъ поэтому своевременнымъ и полезнымъ выяснить, по возможности, нашимъ читателямъ, большинству которыхъ мало извѣстны наши среднеазіатскія дѣла, сущность памирскаго вопроса, какимъ онъ представляется съ русской точки зрѣнія, съ возможнымъ безпристрастіемъ и краткостью.

Для того, однако, чтобы читатели могли ясно представить себѣ все значеніе недавняго событія на Памирахъ, съ умысломъ раздутаго Англіей, мы должны сказать предварительно нѣсколько словъ о пограничномъ афганскомъ вопросѣ, безъ чего памирскій инцидентъ останется совершенно непонятнымъ.

Русскія владѣнія въ Центральной Азіи въ 1863 году состояли лишь изъ теперешней Оренбургской губерніи, отдѣляемой отъ Сибири огромной пустыней, такъ что между двумя военными линіями не было другаго сообщенія, какъ по большому сибирскому тракту, въ объѣздъ. Русское правительство должно было поэтому озаботиться о болѣе короткихъ, вѣрныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ между своими разъединенными владѣніями. Далеко раскинувшуюся плоскость между Оренбургомъ и Сибирью занимали степи, которыя принадлежали частью Кокану, Бухарѣ и Китаю, благодаря чему Россіи часто приходилось снаряжать экспедиціи для отраженія кочевниковъ и ихъ усмиренія. Россія была поэтому въ непрерывной борьбѣ съ названными ханствами, и результатомъ этого было взятіе генераломъ М. Г. Черняевымъ въ 1866 году Ташкента, а въ 1868 г.—генераломъ Кауфманомъ Самарканда, нѣкогда резиденціи страшнаго Тамерлана. Эти блестящіе успѣхи русскаго оружія вызвали цѣлую бурю въ Англіи, страдавшей тогда съ особенной силой такъ называемой «азіатской лихорадкой», отъ которой она врядъ ли когда, впрочемъ, излѣчится. Въ это именно время Дизраэли (впослѣдствіи лордъ Биконсфилдъ), Баккеръ и др. выработали пресловутую программу «научной границы», которую Россія не могла бы нарушить въ своемъ традиціонномъ и вѣчно смущающемъ Англію стремленіи въ глубину Азіи. Въ началѣ 1869 года, лордъ Кларендонъ выразилъ бывшему тогда русскимъ посломъ въ Лондонѣ барону Бруннову желаніе успокоить такъ или иначе общественное мнѣніе, сильно возбужденное въ Англіи русскими завоеваніями въ Азіи, и, чтобы избѣжать недоразумѣній, могущихъ возникнуть на азіатской территоріи между двумя великими державами, предложилъ установить нейтральную почву, не нарушимую для нихъ обѣихъ. Князь Горчаковъ согласился на это и предложилъ, съ своей стороны, считать за такую именно нейтральную зону Афганистанъ, отъ по-

святательствѣ на независимость котораго должны строго воздерживаться обѣ стороны ¹⁾). Дальнѣйшіе дипломатическіе переговоры между обоими кабинетами велись въ этомъ именно направленіи.

Въ томъ же 1869 году, лѣтомъ, нашъ канцлеръ встрѣтился съ лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ, и между обоими дипломатами естественно возобновился обмѣнъ мыслей по вышеозначенному предмету. Оба кабинета на столько успѣли прійти ко взаимному соглашенію въ этомъ вопросѣ, что тогдашній вице-король Индіи, лордъ Майо, прислалъ въ Петербургъ своего уполномоченнаго, сэра Дугласа Форзита, чтобы войти въ переговоры съ русскимъ правительствомъ для установленія точныхъ границъ Афганистана, которыя, къ сожалѣнію, не могли считаться вполне опредѣленными.

Какъ желательное основаніе соглашенія, со стороны петербургскаго кабинета было предложено условіе, что оба правительства будутъ сообщать другъ другу, когда какой либо изъ выработанныхъ пунктовъ условія подастъ поводъ къ недоразумѣніямъ, что легко могло бы случиться при политической организаціи Афганистана и свободнаго Туркестана. Рѣшено было, что, если отнынѣ Россіи или Англіи придется снаряжать военныя экспедиціи въ Центральную Азію и присоединять тамъ новыя территоріи къ своимъ владѣніямъ, то такой образъ дѣйствій не долженъ быть стремленіемъ къ новымъ завоеваніямъ, но лишь результатомъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, при невозможности поступать иначе. Такъ какъ русскія и англійскія владѣнія въ Азій не могутъ считаться неподвижными, то на петербургскомъ совѣщаніи признано было возможнымъ способомъ обоюднаго *modus vivendi*—установленіе общихъ положеній политическаго равновѣсія для тѣхъ земель, которыя раздѣляютъ русскія и англійскія владѣнія въ Азій.

Затѣмъ обѣими сторонами были проектированы слѣдующіе главнѣйшіе пункты соглашенія:

1) Считать границы находящейся во владѣніи Ширъ-Али-хана территоріи дѣйствительными границами Афганистана.

2) Эмиръ афганскій не долженъ распространять своего вліянія за предѣлы принадлежащихъ ему владѣній; англійское правительство употребитъ всѣ мѣры, чтобы удерживать его отъ какихъ бы то ни было агрессивныхъ попытокъ.

3) Съ своей стороны русское правительство приложитъ старанія, чтобы удержать бухарскаго эмира отъ нападенія на афганскую территорію.

Лондонскій кабинетъ вполне согласился съ этими положеніями. Также и русское правительство присоединилось къ мнѣнію лорда

¹⁾ «Aucune intervention ou ingérence quelconque contraire à l'indépendance de cet Etat n'entre dans ses intentions».

Майо, что посылка въ Афганистанъ русскихъ или англійскихъ офицеровъ не должна быть допускаема; этимъ оба правительства признали *de facto* Афганистанъ нейтральнымъ государствомъ, во внутреннія дѣла котораго они не должны вмѣшиваться.

Замѣтимъ здѣсь кстати, мимоходомъ, что Сентъ-Джемскій кабинетъ постарался, однако же, найти поскорѣе мотивъ для того, чтобы не считать этого условія для себя обязательнымъ, и воспользовался съ этою цѣлью *postscriptum*'омъ въ одной изъ депешъ тогдашняго англійскаго посла въ Петербургѣ сэра А. Буканана, въ которомъ сообщалось, что, будто бы, князь Горчаковъ не считаетъ «недопустимымъ» посѣщенія англійскими офицерами Кабула.

Что касается до установленія фактическихъ границъ владѣній Ширъ-Али-хана, то съ этою цѣлью туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ Кауфманъ былъ отправленъ нашимъ правительствомъ на границу Афганистана. Дѣло опредѣленія афганскихъ границъ обѣщало, однако, затянуться надолго, что вызвало совершенно неосновательное неудовольствіе Англій, которая въ этомъ важномъ вопросѣ выказывала необыкновенную поспѣшность. Графъ Грэнвиль поторопился предложить петербургскому кабинету считать владѣнія Ширъ-Али состоящими изъ Бадахшана съ зависимымъ отъ него ханствомъ Ваханъ, отъ самаго Памира и озера Саръ-и-куль на востокъ, а отсюда по рѣкѣ Оксусу (Аму-Дарья) по направленію къ западу до устья рѣки Кокши (носящей далѣе названіе Панджъ) и далѣе вдоль по этой рѣкѣ, которая и составляетъ на всемъ своемъ протяженіи сѣверную пограничную линію названной области; дальнѣйшую границу долженъ образовать афганскій Туркестанъ, захватывающій ханства Кундузъ, Хулмъ и Балхъ, отъ рѣки Кокши до области Ходжа-Салехъ на лѣвомъ берегу Аму.

Вскорѣ затѣмъ князь Горчаковъ получилъ и отъ генерала Кауфмана данныя объ афганской границѣ, но не выполнѣ согласовавшіяся съ воззрѣніемъ на этотъ предметъ англійскаго кабинета. По объясненію генерала Кауфмана, Бадахшанъ и Ваханъ должно считать независимыми областями, а не афганскими провинціями, такъ какъ эмиръ никогда и ничѣмъ не выражалъ своего фактическаго господства надъ ними. Далѣе, отъ Ходжа-Салеха на Оксусѣ сѣверная граница по направленію къ западу захватываетъ земли Акша, Саръ-и-куль, Маймене, Шиберганъ и Андхой и отдѣляетъ эти послѣднія отъ независимыхъ тогда закаспійскихъ туркменъ. Западная же граница, отдѣляющая Гератъ отъ персидскаго Хорасана, предполагается всѣмъ извѣстной.

Князь Горчаковъ сообщилъ лондонскому кабинету объ этихъ разногласіяхъ въ опредѣленіи афганскихъ границъ русскими и англійскими уполномоченными, но въ то же время обнаружилъ, къ сожалѣнію, крайнюю уступчивость въ признаніи границъ

Афганистана въ томъ видѣ, какъ онѣ были опредѣлены графомъ Грэнвилемъ. Князь потребовалъ только, чтобы англійское правительство употребило все свое вліяніе на Ширъ-Али, дабы удержать его отъ всякихъ завоевательныхъ попытокъ въ отношеніи сосѣдей.

Таковъ результатъ русско-англійскаго соглашенія 1872—1873 г. Мы должны были довольно подробно познакомить съ нимъ читателей, такъ какъ о немъ въ нашей печати почти не имѣется свѣдѣній, а въ англійской все дѣло представляется въ неправильномъ видѣ, и такъ какъ въ возникшемъ теперь вопросѣ о Памирѣ онъ является на первомъ планѣ, ибо англичане стремятся представить насъ, какъ читатели увидятъ ниже, нарушителями вышеупомянутого соглашенія 1872—1873 г.¹⁾

Разногласія во взглядахъ Англіи и Россіи на земли, входящія въ составъ Афганистана, такъ и остались невыясненными и неуничтоженными, не смотря на вызвавшее собою всѣмъ памятное сраженіе при р. Кушкѣ, инцидентъ Пенджъ-Дэ и вторичное недавнее опредѣленіе афганскихъ границъ въ 1886 году, на мѣстѣ, особой русско-англійской разграничительной комиссіей, назначеніе которой потребовала сама же Англія послѣ присоединенія къ Россіи Мерва,—присоединенія, сдѣлавшаго ее, какъ тогда острили, чрезвычайно «мервовой». Въ вопросѣ объ афганскихъ границахъ комиссія эта пришла, наконецъ, къ установленію ихъ между Закаспійской областью и владѣніями Ширъ-Али отъ Герируда въ Персіи до Босакха на Оксусѣ, но въ вопросѣ о независимыхъ ханствахъ раздорѣчія не прекратились. На Бадахшанъ и Ваханъ русское правительство, въ силу предыдущей политической и этнографической жизни этихъ областей, о чемъ было бы слишкомъ длинно распространяться въ журнальной статьѣ, совершенно основательно смотрѣло какъ на независимыя отъ Афганистана владѣнія²⁾, тогда какъ Сентъ-Джемскій кабинетъ упорно продолжалъ и понынѣ продолжаетъ предъявлять притязанія на оба эти ханства въ пользу Афганистана, если и не объявляя ихъ категорически ему принадлежащими, то во всякомъ слу-

¹⁾ Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что тѣ же границы, какъ онѣ приведены выше,—отъ озера Саръ-и-куль, по Малому Памиру (Памиръ-хурдѣ), по Оксусу, до Ходжа-Салехъ, находятся обозначенными и на официальной англійской картѣ, изданной Walker'омъ, въ 1874 г., въ Калькуттѣ, «*Turkestan and the countries between the British and the Russian dominations in Asia*». Основываясь на этой же официальной англійской картѣ, Афганистану во время Ширъ-Али не принадлежало никакой земли по правую сторону Аму-Дарьи; ханства Шугнанъ и Рошанъ показаны на ней независимыми и, наконецъ, Аличуръ и Кальянъ-Памиръ (Большой Памиръ) считаются внѣ границы Афганистана.

²⁾ Меморандумъ князя Горчакова 7-го декабря 1872 года.

чаѣ продолжая смотрѣть на нихъ, какъ на территорію весьма спорную.

Своеобразное отношеніе Англіи къ афганскимъ границамъ, которыя она старается расширить въ пользу Афганистана, дружбой съ которымъ дорожила и дорожить въ видахъ своей индійской политики, повторилось и по отношенію къ самой сущности соглашенія 1872—1873 г. Англійское правительство не задумалось нарушить его, ничуть не стараясь, какъ требовалъ договоръ, удерживать афганскаго эмира отъ завоевательныхъ замысловъ, и взидало спокойно, если только не одобрительно, на его попытки установить свое владычество въ Бадахшанѣ, Ваханѣ и Шугнанѣ, какъ бы признавая этимъ права эмира на эти области. Отсюда представляется понятнымъ, что, смотря на дѣло съ такой именно точки зрѣнія, Англія не могла не обнаруживать крайняго опасенія за Ваханъ, послѣ того, какъ отряду генерала Абрамова удалось изъ Фергана перевалить черезъ Алайскія горы, съ намѣреніемъ пересѣчь Памиръ по направленію къ Читралю, въ долину котораго представляется возможность пройти черезъ долину Вахана по Барогильскому перевалу. Читральской же долиной англичане придаютъ особенно важное значеніе съ точки зрѣнія обороны Индіи.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что территорія Вахана расположена въ долинѣ Ваханъ-Дарьи и имѣетъ приблизительно до 1,700 жителей обоого пола, весьма напоминающихъ собою по наружному виду таджиковъ. Они имѣютъ свое особое нарѣчіе, но большинство изъ нихъ хорошо понимаетъ при этомъ поперсидски. Мужчины высокаго роста, красиво сложены и, какъ всѣ горцы вообще, хорошіе стрѣлки и охотники. Они воинственны и проникнуты симпатіей къ русскимъ, о которыхъ отзываются съ уваженіемъ. Женщины отличаются красотою и, вопреки обычаямъ ислама, ходятъ съ открытыми лицами, не прикрывая ихъ чадрую, какъ прочія мусульманки.

Командировка въ минувшемъ іюлѣ англійскаго агента Юнгусбенда имѣла несомнѣнною цѣлью, какъ ни стараются замаскировать это англичане, установить соглашеніе между китайцами, владѣющими восточною окраиною Памира, и афганцами, западныя владѣнія которыхъ примыкаютъ къ той же окраинѣ, — въ томъ смыслѣ, чтобы сомкнуть такимъ образомъ границы китайскихъ и афганскихъ владѣній, захватить промежуточную часть Памира и тѣмъ самымъ заградить намъ путь къ Читралю.

Тутъ-то, на Памирахъ, и произошла крайне встревожившая англичанъ встрѣча ихъ агента съ русскимъ полковникомъ Іоновымъ, о насильственныхъ будто бы дѣйствіяхъ котораго въ отношеніи англійскаго и китайскаго правительственныхъ агентовъ на

Памиръ на всѣ лады заговорила недавно британская пресса, надѣлавъ немало шуму на всю Европу и чуть ли не создавъ даже грознаго призрака новаго политическаго «событія».

При ближайшемъ знакомствѣ, однако, съ пресловутымъ происшествіемъ на Памирѣ все дѣло является нѣсколько въ иномъ видѣ.

Чтобы читатели имѣли понятіе о самомъ мѣстѣ инцидента, скажемъ сперва нѣсколько словъ о Памирѣ.

Многочисленные путешественники послѣдняго времени даютъ разныя толкованія названію «Памиръ». По словамъ однихъ, памирами вообще называются всѣ лѣтнія пастбища, посѣщаемыя киргизами. Вѣроятность этого объясненія подтверждается таджиками Ташкургана и Вахана на Памирѣ. Они же раздѣляютъ Памиръ на Большой и Малый. Нѣкоторые изъ кочевниковъ приводятъ легенду о двухъ братьяхъ Алинурѣ и Памирѣ, раскинувшихъ здѣсь свои кочевья и сообщившихъ нагорьямъ свои имена.

Другіе даютъ всему плоскогорью названіе Бамъ-и-дамьяхъ, т. е. крыша міра.

Границею Памира слѣдуетъ считать Заалайскій хребетъ на сѣверѣ, Сарыкульскія горы на востокѣ, Гиндукушъ на югѣ, а на западѣ р. Пенджъ. Памиръ орошаютъ Мургабъ, Ваханъ-Дарья, Шахъ-Дэрэ и Гунтъ. Рѣки эти имѣютъ многочисленные притоки, питающіеся водою отъ таянны обильныхъ снѣговъ, и осенью пересыхаютъ. Средняя высота Памира 14,000 ф. надъ уровнемъ моря. Долины занимаютъ болѣе низменныя положенія. Горныя цѣпи подымаются иногда до 19,000 ф. надъ уровнемъ моря. Отдѣльныя же вершины достигаютъ до 25,000 ф.! На Памирѣ существуютъ два рѣзко отличающіяся одно отъ другаго времени года: суровая зима и знойное лѣто, продолжающееся четыре мѣсяца; остальное время царитъ холодъ, доходящій иногда до 20° R.

По отчету самого капитана Юнгусбенда о своей командировкѣ, съ упорно скрываемою цѣлью, на Памиръ, напечатанному въ оффиціальной газетѣ англо-индійскаго правительства «Times of India», его встрѣча тамъ съ русскою экспедиціей вовсе не имѣла того тревожнаго характера, какъ писалось объ этомъ въ сенсационныхъ статьяхъ англійской оффиціальной и оффиціозной печати.

Англійскій капитанъ,—читаемъ въ названномъ органѣ,—который уже въ 1889 г. встрѣтился на Памирѣ съ русскимъ путешественникомъ Громбчевскимъ, узналъ во время своей поѣздки въ Кашгаръ, въ городѣ Яркандѣ, о русской экспедиціи, находящейся на китайской (?) территоріи Памира. Для разясненія этого факта былъ отправленъ его товарищъ, англійскій лейтенантъ Дэвидсонъ, на Аличуръ-Памиръ, гдѣ онъ былъ схваченъ русскими и отправленъ въ Маргеланъ, главный пунктъ Ферганской обла-

сти. Здѣсь онъ встрѣтился съ секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, г. Эллиотомъ, путешествовавшимъ по Туркестану. Благодаря его вмѣшательству, онъ былъ освобожденъ и отправленъ обратно въ Кашмиръ чрезъ Кашгаръ. На Маломъ Памирѣ самъ капитанъ Юнгусбендъ встрѣтился съ русскою экспедиціею, состоявшею изъ 50 казаковъ и 50 человекъ пѣхоты, въ м. Гумбезъ-и-Бозай, подъ командою капитана (?) Янова (?). Русскій капитанъ весьма вѣжливо попросилъ англичанина предъявить ему пропускной листъ; убѣдившись же, что его у англичанина нѣтъ, онъ воспрепятствовалъ дальнѣйшему пути англійскаго агента, угрожая ему, въ противномъ случаѣ, арестованіемъ. Капитанъ Юнгусбендъ обѣщалъ тотчасъ же оставить Памиръ, что и исполнилъ. Въ концѣ своего отчета англійскій капитанъ констатируетъ, что русская экспедиція отправилась на афганскую (!) территорію и даже въ Читраль, за Гиндукушъ, въ страны, находящіяся подъ протекторатомъ Англии въ Кяфиристанѣ (?). Далѣе говорится, что лейтенантъ Дэвидсонъ, возвращаясь изъ Маргелана, встрѣтилъ на Аличуръ-Памирѣ китайскій отрядъ подъ начальствомъ генерала (?) Чонга, который принужденъ былъ по настоятельному требованію капитана Янова также оставить эту страну, занятую русскими (?). По словамъ того же отчета, китайцы будто бы намѣрены будущею же весною явиться на Памиръ, чтобы отстаивать свою территорію (??).

Таковъ памирскій инцидентъ по англійскому официальному источнику.

Посмотримъ теперь, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Коканскаго ханства наши границы отодвинулись за Заалайскій хребетъ, къ Гиндукушу. На долю Россіи достались негостепріимныя, неподдающіяся земледѣлію и культурѣ мѣстности суроваго Памира. Въ виду трудности сообщенія и отсутствія, въ первое время, попытокъ нашихъ сосѣдей захватить наши владѣнія, русское правительство не имѣло сначала опорныхъ пунктовъ на Памирахъ. Со временемъ, однако, скудныя пастбища въ котловинахъ Памира стали привлекать овецъ киргизовъ, а китайцы и афганцы, пользуясь отсутствіемъ русскихъ пикетовъ, начали мало по малу расширять свои границы, перенося ихъ на русскую территорію. Въ видахъ необходимаго въ данномъ случаѣ заявленія о правахъ на принадлежащія намъ области, въ іюлѣ минувшаго лѣта изъ Ферганской области, по приказанію туркестанскаго генераль-губернатора генераль-лейтенанта барона Бревскаго, отправленъ былъ на Памиры небольшой экспедиціонный отрядъ съ тѣмъ, чтобы, не задаваясь никакими завоевательными замыслами, пройти дозоромъ по мѣстности, принадлежащей Россіи.

Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ командиръ 2-го Туркестанскаго линейнаго батальона полковникъ Іоновъ.

Къ 8-му іюля, какъ видимъ изъ официальнаго русскаго мѣстнаго органа «Туркестанскихъ Вѣдомостей», изъ которыхъ мы заимствуемъ дальнѣйшій разсказъ, весь отрядъ стянулся въ мѣстечкѣ Боръ-Даба и послѣ дневки двинулся на Памиры.

Наша пѣхота передвинулась на р. Аличуръ, и здѣсь охотничьи команды занялись развѣдками ущелій и переваловъ, ведущихъ къ озеру Саръ-и-куль,—нелегкій трудъ, сопряженный на каждомъ шагу съ большими опасностями. Врядъ ли какой другой охотничьей командѣ приходилось преодолевать подобныя трудности. Выносливѣйшій въ свѣтѣ русскій солдатъ съ удивительной стойкостью подымался на перевалы въ 14—19 тысячъ футовъ высоты, и ни удушья, ни кровотеченія, сопряженные съ горными мѣстностями, не останавливали его движенія. Только два человѣка свалились съ ногъ и выбыли изъ строя, но потомъ оправились.

Начальникъ отряда, полковникъ Іоновъ, потянулся отсюда съ казаками на юго-востокъ.

На пути онъ встрѣчалъ довольно зажиточныя кочевья киргизовъ и изрядныя пастбища, которыя являются, въ свою очередь, приманкой для китайцевъ, перебирающихся сюда понемногу изъ своихъ предѣловъ.

Обогнувъ юго-восточный уголъ нашихъ владѣній, отрядъ достигъ м. Гумбезъ-и-Бозай, у впаденія Вахджира въ Ваханъ-Дарью.

Отсюда полковнику Іонову хотѣлось осмотрѣть одинъ перевалъ на востокъ отъ Даркотскаго, о которомъ упоминають многіе путешественники, и, между прочимъ, Громбчевскій, но черезъ который до сихъ поръ не удалось перебраться ни одному европейцу. Вполнѣ понятное стремленіе новыхъ открытій привлекло маленькую команду къ неизслѣдованному перевалу.

Счастье улыбнулось энергичному полковнику, бывалому и опытному туркестанцу, и онъ съ офицерами и казаками успѣшно перешелъ на ту сторону Гиндукуша, къ сѣвернымъ истокамъ Инда. Дальнѣйшее движеніе на югъ не входило въ задачу экспедиціи, и отрядъ повернулъ назадъ.

На обратномъ пути въ Гумбезъ-и-Бозай и произошелъ пресловутый памирскій инцидентъ: встрѣча съ капитаномъ англійской службы Юнгусбендомъ (F. Jounghusband, capitain Kings Dragon Guards), намѣревавшимся изъ Кашгара черезъ Ваханъ перебраться по русскимъ владѣніямъ въ Индію.

Встрѣча была вполнѣ дружественная, а взаимное хлѣбосольство укрѣпило добрыя отношенія, установившіяся сначала, но это не могло помѣшать, однако, полковнику Іонову, какъ того и слѣдовало ожидать, освѣдомиться у англійскаго капитана въ самомъ,

разумѣется, вѣжливымъ и мирномъ тономъ насчетъ пропускнаго листа для безпрепятственнаго прохода чрезъ наши владѣнія. Такого листа не оказалось, и англичанинъ долженъ былъ подчиниться вполне законному требованію начальника русскаго отряда не продолжать дальнѣйшаго пути. Капитанъ Юнгусбендъ честнымъ словомъ обязался исполнить это требованіе и, дружественно распростившись съ полковникомъ Ионовымъ и нашими офицерами, повернулъ въ обратный путь.

Изъ Гумбезъ-и-Бозая отрядъ двинулся на сѣверъ съ намѣреніемъ перевалить къ озеру Саръ-и-куль. По совѣту одного афганца, попробовали перебраться вверхъ по теченію ручья Куль-Айрыкъ. Съ большими трудностями удалось взобраться по обледѣлымъ скаламъ на страшную высоту, но спуститься на сѣверный склонъ по громадному леднику не представлялось возможности. Пришлось поэтому повернуть и пойти кружнымъ путемъ черезъ перевалъ Бендерскаго. Путь былъ очень утомителенъ. Сначала лилъ дождь, а затѣмъ загудѣлъ сѣверный буранъ. Это было въ началѣ августа, когда въ Россіи было лѣто и поспѣвали фрукты. Отряду пришлось болѣе сутокъ оставаться на конѣ и лишь къ полудню 8-го августа стануться къ озеру Саръ-и-куль.

Въ Сомэ (кумирня на берегу рѣки Аличура) нашу команду ожидалъ новый сюрпризъ: она встрѣтилась съ англійскимъ лейтенантомъ Дэвидсономъ, у котораго также не оказалось пропускнаго билета, въ виду чего со стороны начальника отряда повторилось предложеніе очистить русскую территорію. На Аличуръ-Памиръ пріѣхалъ также къ полковнику Іонову китайскій мандаринъ, который, послѣ оживленнаго завтрака, также выслушалъ дружественное, но категорическое, заявленіе о необходимости немедленно очистить русскую почву отъ китайскихъ пикетовъ.

Китаецъ согласился съ законностью этого распоряженія и безпрекословно выступилъ съ своими командами съ русской территоріи Памира.

Походъ приближался къ концу, но трудности путешествія усиливались. Двигаясь на сѣверъ, пришлось три раза на складной парусиной лодкѣ переправляться чрезъ многоводный и быстрый Мургабъ. Тяжесть переходовъ отразилась особенно сильно на лошадяхъ, обезсиленныхъ продолжительнымъ форсированнымъ маршемъ и недостаткомъ въ подножномъ корму.

30-го августа отрядъ полковника Іонова благополучно вступилъ въ Маргеланъ, пройдя въ два мѣсяца 1800 верстъ по русской территоріи Памира.

Сравнивая два вышеприведенные отчета, англійскій и русскій, о памирскомъ инцидентѣ, читатели ясно видятъ, конечно, сколь невѣрное освѣщеніе придала ему британская печать. Подня-

тая ею по этому поводу тревога является, однако же, неизбежнымъ и совершенно логическимъ слѣдствіемъ упорства Англіи въ неправильномъ пониманіи русско-англійскаго соглашенія 1872—1873 г., съ которымъ мы подробно познакомили читателей въ началѣ статьи, безъ чего усмотрѣнныя англійской печатью въ нашей памирской экспедиціи нарушенія договора остались бы для нихъ совершенно непонятными. Опасаясь за возможность движенія русскихъ на Ваханъ, который англичане считаютъ владѣніемъ Афганистана или, по крайней мѣрѣ, спорной территоріей, находящейся, однако же, будто бы подъ британскимъ протекторатомъ, Англія увидѣла въ экспедиціи полковника Іонова нарушеніе договора 1872—1873 г. въ смыслѣ посягательства на неприкосновенность владѣній Абдуррахманъ-хана, теперешняго афганскаго эмира. Вахану же, какъ было упомянуто выше, англичане придаютъ важное значеніе, какъ пути въ Читраль, а оттуда въ Индію.

Появленіе на Памирѣ англійскихъ агентовъ, повторяемъ, имѣло несомнѣнное соотношеніе съ этимъ именно опасеніемъ, въ смыслѣ развѣдокъ и возстановленія противъ насъ китайцевъ и афганцевъ. Поэтому не было бы ничего удивительнаго, если бы экспедиція полковника Іонова, помимо значенія «русскаго дозора», обходившаго владѣнія Россіи на Памирахъ, имѣла, можетъ быть, и значеніе отвѣта на англійскіе происки.

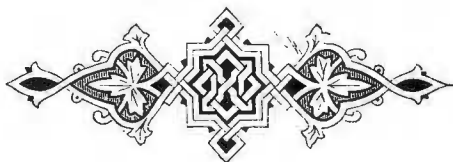
Этимъ, какъ намъ кажется, понятнымъ для Англіи значеніемъ нашей памирской экспедиціи объясняется и то озлобленіе и тотъ рѣзкій тонъ, которымъ заговорила англійская печать по поводу нежелательныхъ для Англіи и, кажется, совершенно неожиданныхъ встрѣчъ англійскихъ агентовъ съ полковникомъ Іоновымъ на высотахъ Памира.

Конечно, памирскій инцидентъ, о которомъ органъ самого вице-короля Индіи, «Times of India», заговорилъ теперь, какъ видимъ, въ мирномъ тонѣ, не можетъ и не долженъ повести ни къ какимъ политическимъ недоразумѣніямъ, но нельзя, однако, при этомъ не замѣтить, что, повидимому, инциденты, подобные памирскому, могутъ и, вѣроятно, будутъ повторяться, если вопросъ объ афганскихъ границахъ и владѣніяхъ, входящихъ въ составъ Афганистана, останется въ томъ неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ онъ издавна находится, при тѣхъ разногласіяхъ во взглядахъ на этотъ предметъ Россіи и Англіи, о которыхъ мы не разъ указывали въ нашей статьѣ.

Было бы весьма желательнымъ и своевременнымъ образованіе новой, третьей, русско-англійской комиссіи для всесторонняго разсмотрѣнія на мѣстѣ пограничнаго афганскаго вопроса, на основаніи данныхъ, представляемыхъ предыдущей исторіей, трудами предшествовавшихъ комиссій и статьями соглашенія 1872—1873 г.

Обращаясь затѣмъ къ нашимъ владѣніямъ на Памирахъ¹⁾, нельзя не признать, по нашему мнѣнію, крайне необходимымъ, чтобы, во избѣжаніе встрѣчъ съ чужими экспедиціями и командами, въ этой неприступной странѣ ежегодно систематически повторялись дозорные разѣзды, до тѣхъ поръ, пока тамъ не будутъ водворены незыблемые признаки русскаго владычества²⁾.

С. Уманецъ.

¹⁾ Для удобства читателей мы прилагаемъ къ нашей статьѣ карту Памира, составленную по картѣ Средней Азіи Генеральнаго Штаба, въ изданіи Ильина.

²⁾ При составленіи нашей статьи мы пользовались, между прочимъ, интересной замѣткой о возникновеніи памирскаго вопроса, помѣщенной въ газетѣ «Herold» (27-го октября и 3-го ноября минувшаго года) и подписанной инициалами I. V., которая является въ данномъ вопросѣ весьма цѣнной, ибо подъ вышеозначенными инициалами мы узнаемъ первыя буквы имени и фамиліи одного бывшаго дипломатическаго чиновника на Востокѣ, серьезнаго знатока среднеазиатскихъ дѣлъ.

«Варна» было затерто льдомъ съ Карскомъ морѣ и на помощь ему поспѣшили капитанъ Хугардтъ на датскомъ пароходѣ «Димфна», также застрявшемъ во льдахъ. Это невѣрно. «Варна» не парусное судно, а большой пароходъ, зафрахтованный голландскою экспедиціею у норвежцевъ и раздавленный льдами. Далѣе говорится, что въ 1883 г. пароходъ «Луиза» дошелъ до Оби, но во время шторма потерялъ дымовую трубу и былъ выброшенъ на мель въ заливѣ. Это тоже не совсѣмъ вѣрно. На сколько мнѣ помнится, «Луизѣ» не пришлось испытать подобныхъ ужасовъ. «Луиза», слѣдую въ 1883 г. въ Карское море, встрѣтила ледъ около Югорскаго Шара и обломала себѣ винтъ; отсюда «Луиза» была приведена въ Норвегію однимъ изъ сибиряковскихъ пароходовъ, на которомъ также возвратилась и голландская полярная экспедиція съ погибшаго парохода «Варна». Не вѣрно также и то, что въ 1888 г. «Лабрадоръ», имѣя на борту сына англійскаго посла, остановившись невдалекѣ отъ Обской губы, высадивъ его на берегъ, и онъ возвратился въ Англію сухимъ путемъ, черезъ Березовъ и Тобольскъ. Между тѣмъ «Лабрадоръ» дошелъ только до Югорскаго Шара, и отсюда молодой Морріеръ не возвратился въ Англію, а совершилъ специальное путешествіе за Уралъ. Эти неточности не имѣютъ существеннаго значенія и не умаляютъ достоинства брошюры г. Турбина.

Ж. Р.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Отъ Калмыцкой степи до Бухары. Спб. 1891.

Въ то время, когда Западная Европа съ вполне понятнымъ интересомъ и вниманіемъ относится къ нашимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ, мы почти ничего, или очень мало, знаемъ о нихъ и ничѣмъ пока не выражаемъ намѣренія покороче и поподробнѣе съ ними ознакомиться. Эта именно горькая истина невольно приходитъ на умъ при чтеніи интересной книги князя Э. Ухтомскаго, названіе которой приведено выше.

По пути изъ Самарканда въ Закаспійскую область авторъ въ 1889 году на одной изъ станцій встрѣтилъ знаменитаго въ ученomъ мѣрѣ и, по всей вѣроятности, вовсе неизвѣстнаго большинству представителей нашего интеллигентнаго общества, директора берлинскаго музея für Völkerkunde, Адольфа Бастіана, много и полезно поработавшаго надъ этнографическимъ изученіемъ инородцевъ нашихъ окраинъ и пріѣзжавшаго въ Закаспійскую область для ея серьезнаго, всесторонняго, бдительнаго изученія. Въ то время какъ у насъ можно кое-что найти по этому интересному предмету въ Дашковскомъ музеѣ въ Москвѣ, да въ двухъ залахъ академіи наукъ, отведенныхъ подъ антрополого-этнографическія коллекціи по части нашихъ инородцевъ, въ Берлинѣ, въ музеѣ für Völkerkunde, четырнадцать шкафовъ вмѣщаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для изученія быта нашихъ тунгусовъ, бурятъ, калмыковъ, киргизовъ, чукчей, остяковъ, самоѣдовъ и т. д.

Въ Чарджуѣ автору довелось провести нѣсколько дней съ путешествовавшимъ съ научною цѣлью по нашимъ закаспійскимъ владѣніямъ англійскимъ инженеромъ маіоромъ Уэлсомъ, занимавшимъ тогда въ Тегеранѣ мѣсто начальника англо-индійской телеграфной линіи, а ранѣе, въ Узунь-Ада, авторъ встрѣтилъ члена англійскаго парламента, г. Кэрсона, уже вторично пріѣзжавшаго изучать наши владѣнія въ Средней Азіи.

Иностранные путешественники серьезнѣе насъ изучаютъ нашъ Востокъ и осмысленнѣе коллекционируютъ все, достойное вниманія. Извѣстный лингвистъ Уйфальви издалъ въ Парижѣ огромный специальный *Atlas des étoffes, bijoux etc. de l'Asie Centrale*; Бонвало, прославившійся сравнительно недавнимъ зимнимъ переходомъ изъ Ферганы въ Индію, составилъ очень поучительную среднеазиатскую этнографическую коллекцію; Лэнселль, изъѣздившій вдоль и поперекъ наши окраины, сдѣлалъ то же самое для Лондона, а не менѣе предприимчивый Мозеръ для Швейцаріи. Цѣлыми сотнями появляются за границей книги, брошюры и замѣтки о Средней Азіи и, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что все лучшее по этому вопросу принадлежитъ перу иностранцевъ.

А между тѣмъ наши среднеазиатскія владѣнія заслуживаютъ всесторонняго изученія и достойны вниманія и съ этнографической, и съ исторической точки зрѣнія.

Стоитъ прочесть книгу кн. Ухтомскаго, написанную чрезвычайно живо, занимательно и искренно, являющуюся безпристрастными замѣтками любознательнаго и образованнаго туриста, чтобы согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ. Сколько интереса для историка, археолога и этнографа можетъ представить собою хотя бы, напримѣръ, нѣкогда блестящій и могущественный Мервъ, прежняя кипучая жизнь котораго такъ и остается не вполне изслѣдованной.

Авторъ много и подробно говоритъ (VII гл.), между прочимъ, о переселенческомъ вопросѣ въ Средней Азіи. Онъ находитъ совершенно, по нашему мнѣнію, основательно, что допущеніе на наши восточныя окраины бездомныхъ пришлецовъ, массами, цѣною жертвъ и лишеній, являющихся туда искать себѣ крова и куска хлѣба, и нежелательно и даже вредно для самого русскаго дѣла. Отрываясь отъ насиженныхъ мѣстъ, гдѣ они, всетаки, кое-какъ перебивались, и, отправляясь въ совершенно невѣдомый, далекій край, съ обманчивой надеждой устроить тамъ свою жизнь и сытнѣе и привольнѣе, они сразу же разочаровываются въ этомъ и остаются почти безъ всякихъ средствъ къ существованію, оборванными, голодными, отбившимися отъ работы нищими. Авторъ вполне основательно замѣчаетъ, что наша печать, усиленно занимающаяся моднымъ у насъ теперь вопросомъ о переселенцахъ, весьма ошибается, смотря на этотъ пришлый людъ, какъ на колонизаторовъ нашихъ окраинъ. Переселенцы звездъ и всегда представляютъ собою въ большинствѣ ненадежный контингентъ, составляемый обыкновенно изъ неумѣвшихъ устроиться дома неудачныхъ отбросковъ, часто вносящихъ съ собою порчу. Такой элементъ не можетъ колонизовать страну, гдѣ къ тому же онъ не находитъ плотно сложившагося строя жизни и поэтому заработка, и является предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія со стороны мусульманскаго населенія края, что подрываетъ нашъ престижъ на окраинѣ. Пока переселенческій вопросъ не будетъ поставленъ у насъ на твердую, солидную почву, до тѣхъ поръ казалось бы болѣе полезнымъ, для самихъ же переселенцевъ, сдерживать, а не распространять бродяжническія наклонности нашего крестьянства.

А между тѣмъ этого нѣтъ, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, переселенцы безпрепятственно стекаются на наши окраины погибать въ неизвѣстной странѣ и побираться подаеніемъ.

Все это показываетъ наше равнодушіе къ условіямъ жизни края, и этого

и многого другого, конечно, не было бы, если бы мы внимательно изучали быт наших владѣній въ Закаспійской области и, беря въ этомъ отношеніи добрый примѣръ съ иностранцевъ, знающихъ наши окраины гораздо лучше насъ самихъ, болѣе интересовались исторіей, этнографіей, археологіей края, чѣмъ фокусами дровишекъ и пляскою баядерокъ. С. У — цъ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семева, издателя-редактора «Русской Старины». Книга вторая. Спб. 1891.

(О первой части этого изданія мы своевременно дали краткій отчетъ читателямъ «Историческаго Вѣстника». Вышедшій нынѣ въ свѣтъ второй томъ «Архива князя Ѳ. А. Куракина» заключаетъ въ себѣ документы, по важности и значенію, не уступающіе тѣмъ, которые были помѣщены въ первомъ томѣ. Документы эти важны не только по отношенію къ характеристикѣ князя Б. И. Куракина, занимавшаго довольно видное положеніе въ ряду дипломатовъ Петровскаго времени, но и по отношенію къ характеристикѣ Петровскаго времени вообще и даже въ частности—къ быту нашихъ высшихъ классовъ въ это переходное время.

Въ смыслѣ историческомъ, конечно, не столько важны эти грамоты царя Петра I къ различнымъ владѣтельнымъ особамъ, при которыхъ князь Б. И. былъ аккредитованъ, сколько собственные «протоколы-записки», которые князь Куракинъ велъ постоянно во время посольства къ различнымъ европейскимъ дворамъ. Эти записки, писанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ, рисуютъ намъ довольно полную картину дѣятельности русскаго дипломата и живо передаютъ намъ ту обстановку, среди которой этимъ въ полномъ смыслѣ «новымъ людямъ» приходилось жить и дѣйствовать. Любопытнымъ образчикомъ бѣдности нашего тогдашняго дипломатическаго языка можетъ, между прочимъ, служить слѣдующій отрывокъ изъ этихъ «протоколовъ-записокъ» (заимствуемый нами на стр. 257—269).

«... Тогда я принужденъ тутъ при столѣ у электора взять конгрессъ и уступить въ домъ свой, который аффронть всегда въ сердцѣ своемъ содержи». Или: «по заключеніи концерта въ Гагѣ, трупы шведскіе 6000, которые въ Помераніи аккордированы, въ службу аліатскую половину взяли аглечане на свою плату, а другую половину—цесарь съ голанцы. И нынѣ аліаты всегда требуютъ отъ регранціи шведской тѣхъ труповъ».

Частная переписка князя Бориса Ивановича изобилуетъ любопытными чертами времени, и въ этомъ отношеніи особенно важными кажутся намъ тѣ письма, которыми онъ обмѣнялся съ графомъ Г. И. Головкинымъ, по поводу бракосочетанія княжны Екатерины Борисовны съ сыномъ графа. Изъ этихъ писемъ видимъ, какъ разумно и серьезно смотрѣли наши предки на бракъ и какъ осторожно относились къ будущему имущественному положенію молодой четы. Тѣ росписи и предварительныя поручныя записи, которыми имущественное положеніе молодыхъ супруговъ заранѣе опредѣлилось родителями, имѣли положительное значеніе свадебныхъ контрактовъ и на столько обязательную силу, что несоблюденіе условій записи или росписи могло быть обжаловано и передъ судебной, и передъ высшей властью.

Чрезвычайно любопытенъ (въ письмѣ И. И. Неплюева къ князю Б. И. Куракину) взглядъ, высказываемый однимъ изъ образованнѣйшихъ людей